

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ПРОПАГАНДА РЕЛИГИОЗНОЙ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОСТИ ПРИЗНАКОМ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ?

Астапов Сергей Николаевич

Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону, Россия)

В России согласно Закону «О противодействии экстремистской деятельности» одним из видов экстремистской деятельности считается «пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии» [1]. Осуществление данной деятельности признаётся основанием для ликвидации религиозной организации и запрета на деятельность религиозной организации или религиозной группы [2]. Таким образом, установление случаев «распространения в обществе и разъяснения каких-нибудь воззрений, идей, знаний, учения» (именно так определяется пропаганда в толковых словарях русского языка [3, с. 759]) о религиозной исключительности через массовое распространение литературы, видео- и аудиоматериалов или в публичных выступлениях, является основанием для судебного решения о запрете деятельности религиозного объединения.

В большинстве случаев для принятия такого решения суд обращается к заключению экспертов с вопросом о наличии признаков указанной пропаганды. Как правило, эксперты такие признаки находят, так как любая религия заявляет в той или иной форме о своей исключительности: спасительности, истинности веры, богоизбранности и т.п. И как правило, такие заключения являются аргументом для принятия судебного решения о признании осуществления религиозным сообществом призывов к экстремистской деятельности.

Данная ситуация порождает два дискурса, которые в ряде случаев сливаются в один. Первый, характерный для выступлений правозащитников, – заявления о том, что несовершенство формулировок статей Закона «О противодействии экстремистской деятельности» позволяет, при желании, любое религиозное сообщество признать экстремистским. Второй, свойственный религиоведам, которые участвуют в экспертизах религиозных материалов, – стремление показать, что не все материалы, демонстрирующие исключительность своей религии

в силу специфики религиозного сознания, несут угрозу разжигания религиозной розни и вражды, а значит не все могут считаться экстремистскими.

Специалистам в области религиоведения хорошо известно, что религия в обществе выполняет интеграционно-дизинтеграционную функцию: сплачивая единоверцев, разъединяет представителей разных религий. История человечества, действительно, наполнена религиозными распрями и даже войнами, из чего можно даже сделать вывод о конфликтогенном потенциале религиозного сознания. Но, во-первых, большинство этих конфликтных ситуаций было связано с властными амбициями и экономическими интересами, поэтому в апелляциях к примерам прошлого необходим конкретно-исторический подход и анализ природы каждого конфликта: религиозная ли она или политическая, но выраженная в религиозной форме. Во-вторых, история знает и примеры неконфликтного сосуществования разных религий на территории разных государственных образований. Кроме того, распространение принципов веротерпимости и толерантности, нарастающее с эпохи Нового времени, сформировало не только законодательство о свободе совести и вероисповеданий, но и способы адаптации религиозного сознания к инакомыслию. Это означает, что в экспертных заключениях религиоведы должны показывать историческую обусловленность тех или иных высказываний, являющихся базисными для определённой религии и в то же время провозглашающими религиозную рознь.

Фундаменталисты очень часто переносят такие высказывания в современный контекст социальных отношений, что, действительно, служит выражением экстремистских настроений. Но простое присутствие этих высказываний в религиозном тексте как цитат из священных писаний или мнений религиозных авторитетов прошлого, без призывов в соответствии с ними радикально изменить сложившиеся общественные отношения, не маркирует текст в качестве экстремистского.

Пропаганда религиозной исключительности не всегда связана с провозглашением превосходства по принципу отношения к религии, понимаемого как присвоение особых социальных статусов, дающих право на какие-то притязания и льготы. Религиозное превосходство – это «духовное превосходство», то есть осознание более успешной реализации должного в сущем, идеала в несовершенном человеке. Даже предельные выражения религиозного превосходства в идеях богоизбранности и святости, предполагают не демонстрацию льгот и преференций, а прежде всего, выполнение строгих требований и предписаний в организации повседневной жизни, принятие ответственности соответствовать идеалу. И даже если такие требования обращены не к себе и не к своему религиозному сообществу, а вовне – к обществу, не согласному видеть в них нормы или этические максимы, если отказ от следования им объявляется пороком, требующим устранения, основанием для обвинений в общественных проблемах, бедах, существовании зла, то и в этом ещё нет экстремизма, хотя потенции к нему уже имеются. Актуализация их произойдёт, если появятся призывы искоренить названный порок скорейшим образом, а любые возражения, поскольку они мешают совершенствованию, признать нетерпимыми и подавить.

Религиозная исключительность выражается также в убеждённости в истинности своей религии и, как следствие, в ложности других учений и практик.

Но если высказываются суждения о ложности, то таким образом производится эпистемологическая и экзистенциальная девальвация учений, а не утверждение когнитивной неполноценности их субъектов. Иначе говоря, заявление о ложности какого-либо учения не может считаться признаком унижения его носителя. Существует две стратегии религиозного поведения в отношении носителей «плечучений»: первая – полемика, заключающаяся в обосновании правильности своего учения и ошибочности несогласного с ним, и предполагающая при этом снисходительное (а значит, терпимое) отношение к «заблудшим»; вторая – деструктивная критика несогласных мнений, основанная на убеждении об их принципиальной искаженности, или даже извращённости и стремлении не допустить их как враждебных истине. Последняя стратегия является предпосылкой для формирования экстремумов религиозного поведения, направленных на дискриминацию инакомыслящих, а значит может считаться экстремистской, если найдёт выражение в виде радикальных суждений.

Таким образом, когда речь идёт о признаках экстремизма в религиозных текстах, требуется учёт различных нюансов, зависящих от конкретных коммуникативных ситуаций, в которых текст осуществлён и предполагается быть осуществлённым. Отсутствие такого учёта может привести к тому, что выражения религиозной исключительности как характерной черты религиозного сознания неоправданно окажутся маркерами экстремистской направленности религиозного текста.

Литература

1. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (с изменениями и дополнениями) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37867/2daf50f586c69eac11512c1faa-4309699b52ec9b/ (дата обращения: 05.03.2025).
2. Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О свободе совести и о религиозных объединениях» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218/48efe087fd6db83d8644159dee55ed3abe168310/ (дата обращения: 05.03.2025).
3. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. – М., 2011: Издательский центр «Азбуковник». – 1175 с.